

Ушел печальник Земли Русской

Долго не мог ночью уснуть, читал почти до мрачных сумерек шестой том из только что вышедшего в издательстве «Классика» собрания сочинений Василия Белова. Утром вдруг звонок: Василия Ивановича не стало... Конечно, мы знали, что живой классик болен, отмечали в октябре 80-летний юбилей без него. Но и заочный расширенный секретариат удался – на Комсомольском проспекте собрался полный большой зал. Вел встречу председатель Союза писателей России Валерий Ганичев. Выступили писатели, которых Белов особенно ценил, от Виктора Лихоносова из Краснодара до певца Русского Севера Владимира Личутина, критики, издатели, артисты. Они с жаром говорили о высоком значении творчества Василия Белова для духовной жизни России, делились воспоминаниями о встречах с писателем. Были показаны редкие видеозаписи этих встреч, звучали любимые музыкальные произведения, песни Василия Ивановича и, конечно же, страницы из его волшебной прозы. А написал он их, слава богу, несколько весомых томов.

Еще в 1961 году в журнале «Наш современник» была опубликована повесть студента Литинститута (семинар поэзии Льва Ошанина) «Деревня Бердянка», тогда же появилась книга стихов «Деревенка моя лесная». В 1963 году Белов был принят в Союз писателей СССР. В 60-х годах публикуется ряд произведений Белова: «На Росстанном холме», «Весна», «За тремя волоками». Окончив институт, он возвращается в Вологду, где постоянно жил.

Ярким образцом русской так называемой деревенской прозы, принесшим автору широкую известность и открывшим путь в центральную печать, стала повесть «Привычное дело» (1966). В 1968 году в журнале «Новый мир» появилась повесть «Плотники рассказы», а в 1969-м – повесть «Бухтины вологодские» (бухтиний вологжане называют шутку, прибаутку, острое словцо, побасенку). Творчество Белова становится одним из самых обсуждаемых. Оценки – от восторженных до убийственных. Роман «Всё впереди» вызвал ярость столичной либеральной критики – вплоть до тогдашней перестроенной «Правды».

В 1979–1981 годы появляется книга-прощание «Лад. Очерки о народной эстетике», состоящая из небольших эссе, каждое из которых посвящено отдельной стороне ушедшего крестьянского быта. Это памятник русской деревне на уровне высших образцов русской этнографической и путевой прозы. А какой это гимн песне, русской частушке! Помню, в зимний вологодский вечер сидели мы беспечно и шумно, читали стихи. Изредка Виктор Коротяев ронял: «Пойду грибов на закусок отрублю». Брал топор, шел на балкон и откалывал от смерзшихся в кадлушке черных груздей увесистую глыбу, которая таяла в блюде от домашнего тепла и наших жарких речей. Беловская бабушка слушала нас с неподвижным, как у всех слепых, лицом. Вдруг заговорили о частушке, я восторженно процитировал один шедевр из сборника фольклора Вологодской области, составленный Сергеем Викуловым (кстати, за назначение его главным редактором «Нашего современника» Белов и Распутин ходили лично хлопотать в ЦК):

*На деревне срубы рубят,
Все меня ребята любят.
Тот тащит, другой тащит,
Только кофточка трещит.*

И вдруг по лицу старой женщины пробежала какая-то молодая светлая тень, она встрепенулась и тихо сказала:

– Не так.

– А как, баушко? – улыбнулся в бороду Белов.

*– Тот таш-шит, другой таш-шит,
Только юбочка треш-шит.*

Почти пропела она, по-северному жестко произнося шипящие, и всем лицом глянула куда-то поверх наших голов – в свою молодость, в прошлое озорство и звонкое пение. Так смотрел и Василий Белов, когда вспоминал родину или писал в принципиальной и недооцененной книге о народной эстетике «Лад»: «Вне памяти, вне традиций истории и культуры нет личности. Память формирует духовную крепость человека».

В 1981 году Белов был награжден Государственной премией СССР («за создание высокохудожественных произведений»). В 1982 году он получил орден Трудового Красного Знамени, в 1984 году – орден Ленина. Его повести, рассказы, детские книги широко издавались. Пьесы «Над светлой водой», «По 206-й», «Бессмертный Кощей» шли во многих театрах страны. Основные их темы – необходимость сохранения народных традиций, родовой памяти, размышления о смене поколений, о том, с какими потерями происходит эта смена, как разграбление природных богатств, разрушение образа жизни связаны с падением нравственности. Но чем больше наград и славы выпадало на его долю, тем тише он старался жить и тем больше обращался к православию. К слову, возродил церковь у себя на родине.

Но и столица оказала ему честь. С 1989 по 1992 год Белов был депутатом и членом Верховного Совета СССР. Выступал – не очень красноречиво, как многие пишущие люди, но умно – по самым острым вопросам и проблемам идущей в разнос страны. Потом ему и слова на трибуне Горбачёв и прочие старались не давать. Сидел рядом с идущим во власть Борисом Ельциным. Как-то сказал к слову: «Хотел бы с вами встретиться, поговорить». – «Пажалста! О чем?» – «О гибели русской деревни и о сионизме». У того лицо вытянулось, и больше он рядом с Беловым не садился. Потом Белов вспоминал в очерке «Чистота, толкающая к убожеству»: «В наших северных деревнях бытует такая поговорка: «Была я в Маскве, шла па даске и упала... в грезы!» Народ всегда ехидно высмеивал пижонство, неестественность, стремление выделиться любимыми способами». Жизнь и встреченные люди труда учили его другому.

Напомню, что Василий Иванович родился 23 октября 1932 года в деревне Тимониха Вологодской области в крестьянской семье. Его отец погиб в 1943 году на войне под Смоленском. Потом Белов вспоминал, что отец был ранен, попал в госпиталь в 1942 году и даже домой на несколько дней приехал, рассказал ему, парнишке, что жалеет об одном: не успел в госпитале весь «Тихий Дон» Шолохова прочитать. Еще мальчишкой Вася Белов начал работать в колхозе, помогая матери поднимать четверых младших детей. Из детства, отрочества и юности ему запомнились прежде всего постоянный голод и любовь к чтению. В 90-х годах Белов опубликовал продолжения романа «Кануны» – «Год великого перелома» и «Час шестый (хроника 1932 года)». Это трезвый взгляд писателя на коллективизацию, ее осуждение.

После окончания сельской школы-семилетки Белов уехал в город Сокол, где в школе фабрично-заводского обучения получил специальность столяра и плотника. Работал столяром, мотористом в леспромпхозе, электромонтером. После службы в армии оказался на заводе в городе Молотове (теперь Пермь). В 1956 году вернулся на Вологодчину и стал сотрудником районной газеты «Коммунар». К этому времени относятся его первые публикации в различных районных изданиях – стихи, очерки, статьи. По совету писателя-земляка Александра Яшина

Белов послал свои стихи в Литературный институт и прошел творческий конкурс. Из-за вечной нужды, отсутствия постоянного жилья и места работы он только к этому времени смог окончить вечернюю школу и получить аттестат.

В 1958 году Белов был избран первым секретарем Грязовецкого райкома комсомола. Но, не проработав и года, подал заявление об уходе в связи с вызовом на учебу в Москву, в Литературный институт, который какие-то недоумки из минообразования недавно включили в черный список вузов. Да где бы еще смог получить бережное (в том числе и литературное) образование такой самородок из народа!

Таков трудный путь писателя в люди, в литературу, к национальному признанию. Что еще сказать? Помню, летели мы на родину его друга Василия Шукшина, в Сrostки, на праздник памяти великого писателя и режиссера. Лета до Барнаула больше четырех часов. Я приготовил диктофон и решил записать беседу с Василием Ивановичем. Была у нас в «Литературной России» такая рубрика – «Как мы пишем». Он ко мне относился с симпатией за любовь к Вологду, не раз сживал в компании с вологодскими друзьями-поэтами Виктором Коротяевым и Александром Романовым. Ну, думаю, поговорим вволю. А Василий Иванович вдруг посуровел, сдвинул свои кустистые брови: «Ну зачем все говорить? Как мы пишем... Только графоман об этом расскажет складно!»

Потом я прочитал в его статье-откровении «Груз жизненных впечатлений»: «На вопрос «Почему вы пишете?» меня подмывает ответить грубостью, то есть вопросом сам: «А почему вы не пишете?» Но боязно выглядеть снобом сильнее... Приходится отвечать. Хотя бы и самому себе, поскольку никогда не спрашивал об этом сам себя. Итак, почему все-таки?... С годами становится слишком велик, непосилен груз жизненных впечатлений. Не знаю, как для других, а для меня есть, существует предел тяжести впечатлений. Освобождаясь хотя бы частично от излишней непосильной тяжести, я еще могу какое-то время жить, существовать физически... Писателями становятся не от хорошей жизни».

Видно, груз жизненных впечатлений, тоска и даже негодование, которые сквозят во всех последних публицистических статьях, оказались непосильными. Ушел певец и печальник земли Русской. В «Ладе» он писал: «Надо самому сидеть весною на березах и водить хоровод, чтобы постигнуть душу песни!»

*Чувель, мой чувель,
Чувель-навель, вель-вель-вель,
Еще чудо, первоучудо,
Чудо родина моя.*

Ритмический набор созвучий, совершенно непонятных (в самом деле: что такое этот «чувель»?), завершается каким-то странным выражением восторга, вполне логичным обращением к родине, названной первоучудом. А какая это родина, малая или большая? – вновь спросит чудорационалист. Но на этот вопрос отвечать не стоит...

Сам Василий Белов полно и ярко рассказал о чуде-первоучуде, о родине, малой и большой – от гибнущей деревеньки Тимонихи до древней Вологды, где пытаются воспитывать по доктору Споку, от колхоза за тремя волоками до семи холмов Москвы, где выдуваются надежды, что у России всё впереди. Но пока рождает наша земля таких талантливых художников, таких совестливых и памятливых сынов, мы верим словам писателя, его завещанию: «История России продолжается и сегодня. И русская литература продолжается. И нам надо делать сообща наше русское дело».

Александр БОБРОВ